

© С.С. Петряшин
 Рец. на: Irvine, R. **An Anthropology of Deep Time. Geological Temporality and Social Life.** Cambridge University Press, 2020.

Книга британского антрополога Ричарда Ирвина посвящена глубинному — геологическому — времени и его сложным и неоднозначным отношениям с человеком¹. Во многом эта работа является антропологической реакцией на неутраченные дебаты об антропоцене, настоящем и будущем экологическом кризисе. Выход книги в мае 2020 г. совпал с разгаром эпидемии COVID-19, которая во многом изменила общественную повестку и отгеснила на второй план темы, поднятые Ирвином. Возможно, этим обстоятельством объясняется отсутствие опубликованных рецензий спустя два года, хотя нельзя сказать, что выход книги остался незамеченным. Эта ситуация хорошо иллюстрирует один из ключевых тезисов Ирвина: экологические проблемы современного мира происходят от социальной установки на решение актуальных вопросов настоящего в отрыве от их исторических условий и долговременных последствий наших действий. Автор предлагает отказаться от такого презентизма и смотреть на человечество из перспективы глубинного времени — мыслить себя в качестве «будущего ископаемого».

В своем исследовании Ирвин опирается на богатую традицию антропологических исследований времени. Среди основных источников его вдохновения труды Э.Э. Эванса-Причарда, М. Блоха, А. Гелла, Л. Беар и М.М. Бахтина. Однако в их работах геологическое время вынесено за скобки как не имеющее непосредственного отношения к времени социальному. Кажущаяся несораз-

Петряшин С.С., к.и.н., научный сотрудник Российского этнографического музея, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета. s-petryashin@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0003-4410-7224>.

Для цитирования: Петряшин С.С. Рец. на: Irvine, R. *An Anthropology of Deep Time. Geological Temporality and Social Life.* Cambridge University Press, 2020 // *Антропологии/Anthropologies.* 2022. № 2. С. 266-272, doi <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/266-272>.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

мерность исчисляющегося миллионами лет глубинного времени и человеческой жизни является отправной точкой для Ирвина. Для преодоления этого разрыва он фокусируется на том, как люди в своей жизни сталкиваются с глубинным временем и как они его избегают. Полевую работу Ирвин проводил в разных регионах Великобритании — в Восточной Англии, на Оркнейских островах и в Северной Ирландии.

Книга состоит из введения и 8 глав. Ирвин начинает с анализа концепции экологического времени Эванса-Причарда (*Эванс-Причард* 1985). По мнению автора, Эванс-Причард хорошо продемонстрировал, как жизни нуэров гармонично вплетены в отношения с окружающими их животными и природными ритмами. Но экологическое время ограничено годовым циклом и подчинено, таким образом, более длительному структурному времени линиджей и системы возрастных групп. Ирвин считает, что обращение к наследию Джеймса Хаттона (1726–1797), одного из основоположников геологии, позволит расширить анализ взаимодействия человека и природы. Согласно Хаттону, ключевой характеристикой Земли является ее заселенность людьми. Пригодность для человека, при этом, определяется незаметными в масштабе человеческой жизни процессами распада и обновления, которые обеспечивают, например, плодородие почв. Открытие геологического времени, делает вывод Ирвин, шло рука об руку с открытием его полезности. В итоге он предлагает соединить свободную от антропоцентризма концепцию экологического времени Эванса-Причарда с дающей глубокий временной горизонт геологической перспективой Хаттона.

Вторая и третья главы переносят нас в английскую глубинку. Идиллический на первый взгляд облик деревни Баррингтон в графстве Кэмбриджшир в анализе Ирвина раскрывается как иллюзия. Хронотоп идиллии — вечно длящегося настоящего — подрывают находящиеся в окрестностях фрагменты промышленной инфраструктуры и карьеры, в которых добывали фосфатосодержащие окаменелости, известняк и глину для производства удобрений и цемента соответственно в XIX и XX вв. Окаменелости, ранее служившие обогащению местных жителей, теперь волнуют воображение детей и взрослых, формируют их «чувство места» и идентичность. По мнению Ирвина, за фасадом идиллического хронотопа и любознательных «встреч» с глубинным временем (например, на школьном уроке) всегда прячется реальность или возможность темпорального разрыва, диссонанса — эксплуатации прошлого во имя нужд капиталистического настоящего.

Осушения болот Восточной Англии, превращение их в плодородные земли и добыча торфа не только наносят непоправимый вред биологическому разнообразию, но также служат хорошим примером геологической агентности человека — его способности изменить ход глубинного времени и написать себя в геологическую «летопись». Так, осушив болота, люди остановили процесс превращения органики в торф, а торфа в окаменелость. Используя его в качестве топлива, люди повысили содержание углерода в атмосфере. Мелиорация болот как «приостановка» экологического времени осуществляется при помощи инженерной инфраструктуры, которая сдерживает сезонные наводнения и фиксирует «сухое» состояние территории как норму. В сопутствующем этому прогрессистском нарративе, как отмечает автор, болота и наводнения оказываются диким прошлым, а осушенная земля —

цивилизированной современностью. При этом свойственная людям модерна презентистская установка косвенным образом запускает процесс познания глубинного и исторического прошлого территории. Так, в процессе осушения болот и добычи торфа производились геологические и археологические работы, которые расширяют наши временные горизонты восприятия и тем самым подрывают презентизм.

В четвертой и пятой главах Ирвин исследует вопрос темпоральности антропологии и геологии. Автор спорит с Феликсом Рингелем (*Ringel* 2012), Полом Робиноу (*Rabinow* 2007) и утверждает, что антропология должна отбросить методологический и онтологический презентизм ради историзма и сделать объектом своего исследования свойственные разным обществам формы презентизма. Соотношение циклического ритуального и линейного повседневно-временного в работе Мориса Блоха (*Bloch* 1977) Ирвин уподобляет отношениям современного презентизма и глубинного времени: презентизм в интересах капитализма мистифицирует и скрывает универсальную реальность геологического времени. Соответственно, именно из перспективы глубинного времени возможно обнаружение и критика презентизма.

Критическая установка также требует различения между геологическим временем и нашими представлениями о нем. Несмотря на то, что глубинное время — темпоральность Земли — является общим условием жизни для всех обществ, наши геологические знания о нем коренятся в специфическом контексте Британской империи XVIII–XIX вв. Так, названия ряда геологических периодов (девон, кембрий, ордовик и др.) происходят от названий регионов Англии и населявших их в древности народов. На этих территориях велась промышленная добыча угля и (в качестве побочного продукта) добывались первичные материалы для геологических изысканий. При помощи понятия «карты времени» (*time map*), предложенного ранее Альфредом Геллом (*Gell* 1992), Ирвин проводит концептуальное различие между геологической хронологией («картой») и глубинным временем («территорией»). Как следствие, принятие постколониальной критики «имперской» геологии не ведет к релятивизации глубинного времени, которая остается для Ирвина общей рамкой для всех обществ.

В шестой главе автор демонстрирует непосредственное влияние геологического времени на человека в его биографическом измерении. Одним из примеров служат труды геолога Хью Миллера (1802–1856), предлагающие читателю «яркую биографию места в долгосрочной геологической перспективе, обрамляя эту встречу со временем через определенные моменты своего собственного жизненного пути» (*Irvine* 2020: 133).

Вторым примером выступают Оркнейские острова. Морской прибой размыл береговую линию и неожиданно раскрыл остатки поселений неолитического времени. Следствием этого стало развитие археологического знания о прошлом островов, взрывной рост туристической индустрии и необходимость в инфраструктуре по защите обретенных исторических памятников от «разрушительного» воздействия моря. Другим вызовом времени для оркнейцев оказалась находка неподалеку от островов нефти и урана. Желание местных жителей сохранить привычный образ жизни («заморозить время») привело к согласию на добычу нефти, которая могла бы дать рабочие места

и сократить отток населения, и одновременно к отказу на разработку урана как более опасного вещества.

Седьмая и восьмая главы посвящены прошлым и будущим катастрофам — их способности задавать смысловые рамки глубинному времени и условиям их обнаружения и воспроизводства. Ирвин отмечает, что в геологии на протяжении всего XIX в. конкурировали нарративы униформизма (воспроизводства или поступательного развития) и катастрофизма (резких трансформаций). Униформизм оказался в мейнстриме и породил эволюционистскую парадигму. Катастрофизм же считался прибежищем маргиналов от науки. Клерики и религиозные интеллектуалы находили в его тезисах аргументы в пользу истинности библейских сказаний (в частности, о всемирном потопе). Ирвин особо выделяет моральную составляющую катастрофизма, которая снова вышла на первый план в современных дискуссиях об антропоцене. Униформизм в своем консерватизме лишен историзма, так как не допускает радикальных изменений, в то время как катастрофизм заставляет людей принимать ответственность за свои действия и их будущие последствия. В XX в. угроза ядерной катастрофы и нового глобального вымирания сделали людей чувствительными к восприятию аналогичных катастроф в далеком прошлом. Место униформизма в мейнстриме науки занял катастрофизм.

Вместе с тем, по мнению Ирвина, рутинизация алармистских нарративов, романтизация и эстетизация пост-апокалиптического «будущего без людей» лишает экологическую эсхатологию способности шокировать людей и мобилизовывать их на борьбу с грядущей катастрофой. Будущее оказывается «закрыто», абстрагировано от повседневной жизни и лишено альтернатив — как следствие, человек опять оказывается в узких рамках презентизма. В качестве альтернативы Ирвин предлагает не ужасаться воображаемому кризису, но действовать с чувством ответственности перед будущими поколениями и природой — так, чтобы «головокружение от встречи с бездной глубинного времени» вело не к нигилизму, а к осознанию наших с ним отношений (Irvine 2020: 191).

Истоком всех бед автор называет модерное представление о пустоши (*waste*). Согласно этой установке, земля, которая не используется для ведения прибыльного хозяйства — это пустошь: «плохая» земля, которую надо «улучшить». Например, неосушенные болота признавались пустошью, требующей улучшения (мелиорации). Философские основания такого отношения к земле обнаруживаются у Джона Локка (1632–1704). Согласно его теории частной собственности бесхозные ресурсы являются ничейными, но если добавить к ним чей-либо труд, то они становятся чьими-то. Данное отношение к природе имело своей параллелью колониальную историю, когда земли индигенных народов (как вариант — живших на болотах англичан) также считались «пустыми» и бесхозными. Так в анализе Ирвина соединяются проблемы колониализма, экстрактивизма и эксплуатации глубинного времени.

Можно сказать, что все исследование выстраивается автором вокруг двух ключевых понятий, противопоставленных, но зависимых друг от друга — глубинного времени и презентизма. При этом каждый из этих концептов по-своему схватывает отношения пространства и времени. Понятие глубинного времени утверждает объективность и материальность пространства-

времени — в масштабе миллионов лет и в спрессованности в вещах, доступных здесь-и-сейчас. Эта двойственность позволяет Ирвину определять глубинное время одновременно как условие возможности человеческой цивилизации и доступное ему полезное ископаемое. При таком понимании в роли глубинного времени может выступать очень широкий спектр феноменов. Ирвин включает в глубинное время процессы разного масштаба (геологические изменения, ежегодная смена сезонов, ежедневные приливы и отливы и др.), материальные предметы (уголь, торф, нефть, горы и пр.) и природные ландшафты. Различающая способность и операциональность понятия глубинного времени оказывается крайне низка. Проблемы логического плана прикрывает этическая и ценностная наполненность концепта.

Противоположный глубинному времени концепт презентизма схватывает отношения пространства и времени, прежде всего, в частной перспективе общества модерна, которая также одновременно открывает для науки геологическую глубину природных процессов и эксплуатирует их ради выгоды. Глубинное время выступает онтологическим условием презентизма, а последний — эпистемологическим условием первого (по крайней мере — в рамках истории науки). Надо отметить, что презентизм у Ирвина может находиться с глубинным временем как в отношениях разрыва (случай обществ модерна), так и гармонии (случай неиндустриальных обществ вроде бразильских *рибериньос* (Irvine 2020: 88–94)). Взаимодействие человека с глубинным временем происходит во времени биографическом. Именно наличие особой нередуцируемой агентности у общества и у природы делает возможной антропологию глубинного времени.

Концептуальная схема, предложенная Ирвином, упускает из виду темпоральность истории. При прочтении книги, написанной антропологом, невольно удивляет большое количество источников исторического характера и малый удельный вес полевых материалов. Складывается впечатление, что разговорам с современными геологами Ирвин предпочитает чтение трудов их коллег XVIII–XIX вв. В этом смысле книга могла бы быть отнесена к жанру исторической антропологии, и читатель вправе ожидать рассмотрения и концептуализации геологического времени в сопоставлении с историческим. Эти ожидания не оправдываются. В отношении «глубины» историческое время занимает промежуточную позицию между геологическим и человеческим (биографическим) временем². Более того, историческое время в современном его понимании также возникает в эпоху модерна и непосредственно связано с концепцией «естественной истории» и глубинного времени. Как отмечает сам Ирвин, геологические исследования нередко соседствовали с археологическими на одних и тех же территориях промышленного освоения.

История используется автором во многом для релятивизации геологического знания, демонстрации его имперских и колониальных корней. Случай Великобритании в этом отношении характерен и показателен. Геология была важной составляющей имперского знания-власти, а геологи — участниками

² Ирвин на протяжении всей книги постоянно возвращается к теме религии, которая то противостоит, то дополняет концепции геологического времени. Можно сказать, что именно темпоральность религии — только, увы, имплицитно — выступает у него медиатором, способным соединять масштабы человеческой жизни, библейской истории, божественной вечности и геологии Земли.

экспедиций, преследующих задачи экономической эксплуатации и политического подчинения территорий глобального юга. Специфика же российской истории, как и в случае истории антропологии и этнографии, заставляет отнестись к универсализации тезиса о колониальном характере геологии с осторожностью. Так, среди этнографов и геологов, изучавших Сибирь в последней трети XIX в., было много радикальных социалистов, революционеров, политических ссыльных. Можно вспомнить имена Петра Кропоткина, Дмитрия Клеменца, Александра Чекановского, Ивана (Яна) Черского, Адама Бяловеского и др. Для них увлечение естествознанием и геологией были глотком свободы от консервативной идеологии в духе «православия, самодержавия, народности». Вместе с тем, условием возможности геологических исследований в Сибири того времени во многом выступало развитие золотой промышленности. Отметим, что в лице Клеменца объединялись фигуры народника-революционера, геолога, археолога, этнографа и музейщика (Милевский, Панченко 2017).

Здесь стоит перейти к теме индустрии наследия — почти в каждой главе Ирвин иллюстрирует свои тезисы, обращаясь к музеям, выставкам, монументам и произведениям искусства. На материале индустрии наследия как раз можно было бы очертить общее и особенное в эксплуатации исторического и геологического времени. Несколько упрощая, основные тезисы Ирвина можно спроецировать на историческое время в духе критических исследований наследия: эпоха модерна и капитализм разрушают традиции и следы прошлого, но тем самым превращают их остатки в ценные памятники истории и способствуют развитию исторических исследований. В духе презентизма индустрия наследия лишает памятники их изначальных функций и превращает в коммерческие аттракционы, заставляет работать на современные политические, религиозные и эстетические идеологии. Список аналогий этим не исчерпывается. Можно заключить, что взаимоотношения между человеком и глубинным временем стоит рассматривать в рамках более широкой парадигмы темпоральности модерна, включающей в себя также историческое время.

В качестве альтернативы капиталистическому презентизму Ирвин предлагает нам всем воспринимать себя из перспективы геологического времени. Как работает это восприятие и почему оно должно спасти нас от экологических катастроф — остается неясным. Такая героическая установка может быть расценена как адаптация Хайдеггеровского концепта бытия-к-смерти к дебатам об антропоцене. Разница в том, что субъект оказывается коллективным (человечество), а его смерть, соответственно, отодвинута в геологическое будущее (бытие-к-окаменелости). Хайдеггер, как и вся феноменологическая линия исследования времени в философии и антропологии, в книге практически отсутствует. Соответственно феноменология восприятия глубинного времени оказалась за пределами исследования. Обсуждение этого вопроса также могло бы вестись на языке эстетики, в частности, при помощи концепции возвышенного³ (Williston 2016; Ray 2020). В этом ракурсе, например, рассматривал болота цитируемый в книге геолог Адам Седжвик (1785–1873) (Irvine 2020: 117). Но Ирвина, в конечном счете, больше интересует вопрос: почему люди не воспринимают глубинное время и какое влияние оказывает на общество глубинное время как объективная реальность.

³ Напомню, что сама эта концепция возникла во многом из опыта осмысления Лиссабонского землетрясения 1755 г.

Можно резюмировать, что данная книга поднимает множество актуальных вопросов, заставляет переосмыслить базовые понятия антропологии и отвечать на вызовы антропоцена. Работа будет интересна не только антропологам времени, но и всем, кто интересуется экологическими и социальными последствиями промышленной разработки полезных ископаемых, историей геологии, взаимоотношением науки и религии, этнографией Британских островов.

Научная литература

Милевский О. А., Панченко А. Б. «Беспокойный Клеменц». Опыт интеллектуальной биографии. М.: РОССПЭН, 2017.

Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Наука, 1985.

Bloch M. The past and the present in the present // *Man*. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 278–292.

Gell A. The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford: Berg, 1992.

Rabinow P. Marking Time: On the anthropology of the contemporary. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Ray G. Terror and the Sublime in the So-Called Anthropocene // *Liminalities: A Journal of Performance Studies*. 2020. Vol. 16. No. 2. <http://liminalities.net/16-2/sublime.pdf>

Ringel F. Towards Anarchist Futures? Creative Presentism, Vanguard Practices and Anthropological Hopes // *Critique of Anthropology*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 173–188.

Williston B. The Sublime Anthropocene // *Environmental Philosophy*. 2016. Vol. 13. No. 2. P. 155–174.

Book Review

Petriashin S. S. Review of: Irvine, R. An Anthropology of Deep Time. Geological Temporality and Social Life. Cambridge University Press, 2020. *Anthropologies*, 2022, no 2, pp. 266-272, doi 10.33876/2782-3423/2022-2/266-272.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

S.S. Petriashin | s-petryashin@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0003-4410-7224> | The Russian Museum of Ethnography, University of Tyumen.

